

Романы о революции сквозь призму историософии («Доктор Живаго» Б. Пастернака и «Тихий Дон» М. Шолохова)

М. А. МАКСИМОВ

(ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И ЭКОНОМИКИ ИМ. А. С. ГРИБОЕДОВА)*

Б. Пастернак и М. Шолохов считаются в истории русской литературы антиподами. Но при всех различиях стиля и жанра они близки на философско-историческом уровне. Это прослеживается на примере их главных произведений.

Ключевые слова: Пастернак, Шолохов, «Доктор Живаго», «Тихий Дон», Нобелевская премия.

Novels about Revolution through the Prism of Historiosophy («Doctor Zhivago» by B. Pasternak and «And Quiet Flows the Don» by M. Sholokhov)

M. A. MAKSIMOV

(THE A. S. GRIBOEDOV INSTITUTE OF INTERNATIONAL LAW AND ECONOMICS)

B. Pasternak and M. Sholokhov are considered as antipodes in the history of Russian literature. But despite of all the differences in style and genre they are close on the philosophical and historical level. This can be traced by the example of their major works.

Keywords: Pasternak, Sholokhov, Doctor Zhivago, And Quiet Flows the Don, Nobel Prize.

Пастернак и Шолохов считаются антиподами в истории русской литературы.

У Пастернака все творчество пронизано осознанием «выпадения» из идеологической конструкции советской литературы. Он был далек от литературной борьбы современников, никогда никого не критиковал. Биография Шолохова противоположна пастернаковской. Несмотря на то что в «Тихом Доне» главный герой не приходит к красным, Шолохов смог сохранить репутацию классика советской литературы. Третий том «Тихого Дона» был разрешен самим Сталиным¹, после чего отечественная критика приняла произведение и его автора. В отличие от Пастернака Шолохов позволял себе регулярно критиковать коллег-писателей.

Оба литератора являются лауреатами Нобелевской премии. Но случилось так, что история с присуждением премии столкнула их друг с другом.

В октябре 1958 г. стало известно, что Пастернак почти наверняка получит высокую

награду. Ходили слухи, что премию могут разделить между двумя претендентами. 21 октября два отдела ЦК КПСС (культуры и агитации и пропаганды) создали документ, один из пунктов которого гласил: «Если т. Шолохову М. А. будет присуждена Нобелевская премия за этот год наряду с Пастернаком, было бы целесообразно, чтобы в знак протеста т. Шолохов демонстративно отказался от нее и заявил в печати о своем нежелании быть лауреатом премии, присуждение которой используется в антисоветских целях»².

Комитет принял решение в пользу Пастернака.

В апреле 1959 г. обиженный Шолохов, находясь во Франции, в интервью парижской газете высказался крайне резко о «Докторе Живаго» и о поэтическом творчестве Пастернака: «Коллективное руководство Союза советских писателей потеряло хладнокровие. Надо было опубликовать книгу Пастернака «Доктор Живаго» в Советском Союзе

* Максимов Максим Александрович — аспирант кафедры истории журналистики и литературы Института международного права и экономики им. А. С. Грибоедова. Тел.: +7 (495) 796-91-50, доб. 336. Эл. адрес: maximus1@inbox.ru

вместо того, чтобы запрещать ее. Надо было, чтобы Пастернаку нанесли поражение его читатели, вместо того, чтобы выносить его на обсуждение. Если бы действовали таким образом, наши читатели, которые являются очень требовательными, уже забыли бы о нем. Что касается меня, то я считаю, что творчество Пастернака в целом лишено какого-либо значения, если не считать его переводов, которые являются блестящими. Что касается книги «Доктор Живаго», рукопись которой я читал в Москве, то это бесформенное произведение, аморфная масса, не заслуживающая названия романа» (цит. по: Васильев, 2002: 3).

В 1965 г., когда академики присудили премию Шолохову, идеологам КПСС пришлось выходить из трудного положения. Несмотря на то что нобелевские лауреаты премии в области литературы и сама премия регулярно подвергались жесткой критике, партийная пропаганда предпочла забыть об этом, и появилась формулировка, что присуждение премии Шолохову — справедливое признание творчества выдающегося писателя.

Противопоставление двух литераторов было в 50-е годы характерно не только для СССР, но и для западных критиков. В Италии, где романы «Тихий Дон» и «Доктор Живаго» появились в течение одного месяца 1958 г. (первый перевод «Тихого Дона» вышел еще в 1945-м, но был значительно сокращен), критик-коммунист Карло Салинари писал: «Эти два писателя являются антиподами... Прибегая к невероятным преувеличениям, утверждали, что роман («Доктор Живаго». — М. М.) — самый большой роман столетия, однако никто не взял на себя труд объяснить, почему это так. Говорили, что эта книга «объясняет сами истоки человеческой свободы». Вокруг «Доктора Живаго» прежде всего была устроена скандальная кампания... Пастернак рассматривает события и душевные состояния с точки зрения мистического индивидуализма, в то время как точка зрения Шолохова покоится на прочных исторических началах...» (Быков, 2007: 767). В романе Пастернака критику больше всего

понравился «хороший деревенский воздух», однако он не увидел в нем исторической правды. Шолохов, по его мнению, изображая своего героя раздавленным, склонен признать неизбежным то, что его раздавило, и, приводя его к жизненному краху, усматривает в этом расплату за неправильный выбор. Пастернак, приводя Живаго к финалу даже более плачевному, оправдывает его, а не эпоху. Пьер Дюн, приветствуя в «Нувель литерер» французский перевод «Доктора Живаго», напротив, отдал предпочтение роману Пастернака: «Отказавшись принести свою индивидуальность поэта в жертву идеологии, Пастернак выступил как защитник свободы творчества, представляющий великое поколение русских писателей, запрещенных или обреченных на забвение в собственной стране» (Быков, 2007: 768).

Но никто из критиков и литературоведов того времени не заметил, что два главных творения Пастернака и Шолохова не находятся в таком же диссонансе, как личности их создателей.

Лишь в последние годы стало ясно, что в творческом плане фигуры Шолохова и Пастернака разъединяет не столько историософия, сколько фокус авторского взгляда. «Тихий Дон» — роман объективный в лучшем смысле этого слова. За это писателя критиковали рапповцы, обвиняя в классовой неопределенности. Авторская позиция в произведении неоднозначна, но это не равнодушие, а взгляд на уровне художественной гениальности с высоты понимания исторических процессов. Шолохов не мешает персонажам жить собственной жизнью. Обладая даром родственного перевоплощения, он растворяется в каждом из своих героев и предоставляет им свободу действий и мыслей. «Доктор Живаго» — творение не эпического характера, а лирического: все события пропущены через сознание Юрия Живаго. Англицист и переводчик Д. Урнов писал: «Роман написан не только о Живаго, однако он написан ради Живаго, чтобы показать драму такого современника революционной эпохи, который революции не принял» (Ур-

нов, 1988). Таким образом, «Доктор Живаго» — произведение очень субъективное. В близости героя к чувствам и мыслям самого автора (при всем том, что надо помнить о недопустимости отождествления писателя и плода его фантазии) сомневаться не приходится. Автобиографичность доктора Живаго — и не столько внешняя, событийная, сколько внутренняя, духовная — очевидна. Не скрывал этого и сам Пастернак. Все это если и есть у Шолохова (впрочем, как у каждого писателя), то в гораздо более скрытом, латентном состоянии.

Еще одна важная особенность заключается в том, что у Пастернака эпические картины революции и гражданской войны хотя и выразительны, но составляют лишь периферию романа. Идея противостояния личности глобальному историческому событию ставит художника перед необходимостью не столько «понизить» это событие, сколько решить другую задачу: усилить личность, «взбунтовавшуюся» против истории. Отсюда лиричность повествования и ассоциативность. События истории преломляются через сознание основного персонажа с авторским комментарием и лишь изредка приобретают объективный характер (история с Косых и некоторые другие эпизоды). Пастернак по своей художественной манере близок к символистам.

Трагедия личности, попавшей в жернова истории, составляет и основной сюжет шолоховской эпопеи. Другое дело, что у Шолохова очень конкретные, сочные, полнокровные зарисовки жизни и быта казачества различных исторических периодов придают этой трагедии эпический характер. Шолохов — художник реалистического толстовского направления.

Но объективно при всей несхожести писательской манеры и избранного жанра (эпопея у Шолохова и ассоциативная проза поэта у Пастернака) Шолохов и Пастернак близки на философско-историческом уровне. У обоих основная тема — историческая судьба России. Разрушительным антигуманным силам революции в «Докторе Живаго»

противостоят семья, родной дом. Схожий мотив есть и у Шолохова. Его главный герой также живет с тягостным ощущением, что сначала мировая, затем братоубийственная гражданская войны выбили жизнь из привычной нормальной колеи, Мелехов мечтает о возвращении домой, к своей семье, которая тоже, как и для героя Пастернака, оказывается важнейшей ценностью.

Оба писателя видят в своих героях воплощение национального характера, оказавшегося в трагических условиях XX столетия. Отсюда и ряд близких идей (неприятие войн) и даже аналогичные сцены (описания того, как в гражданскую войну жестокость одних порождает жестокость других). И здесь Шолохов, как ни в чем другом, близок к Пастернаку, а Григорий Мелехов — к Юрию Живаго.

Существует и очевидное сходство женских образов — в первую очередь Аксиньи и Лары. Две сильные женщины, испытывавшие в юности унижения и насилие, восстают против нравов общества. Они идут за своими мужчинами, испытывают боль и муки из-за невозможной любви и руководствуются в поступках не предрассудками, а своими внутренними понятиями чести и совести.

Оба художника являются мастерами создания пейзажа. Даже редколлегия «Нового мира», отвергая «Доктора Живаго», отмечала: «Есть в романе немало первоклассно написанных страниц, прежде всего там, где Вами поразительно точно поэтично увидена и запечатлена русская природа» (Агапов, Лавренев, Федин, Симонов, Кривицкий, 1958: 2).

Наконец, в обоих произведениях, хотя и в разной степени, присутствуют христианские и мифологические образы. Так, ряд ученых выявляют тесную связь художественной мысли Шолохова с народным православием, которое понимается как особое преломление общехристианского вероучения, не всегда соответствующее церковным догмам. Исконная зависимость казака от земли, едва ли не полная растворенность в природе, народное мифотворчество — устойчивые черты такой религиозности. В то же время хри-

стианство Пастернака — тоже какое-то внецерковное. Здесь подошло бы определение «христианин вне конфессий». Только если у Шолохова эти мотивы завуалированы, то у Пастернака религиозные параллели лежат почти на поверхности и ими пронизан весь текст. Их можно найти и в имени центрального персонажа — «Живаго», это, с одной стороны, слово «жизнь» — основная ценность, утверждаемая в произведении, с другой — в церковнославянском тексте Евангелия есть выражение «Сын Бога Живаго» (Матф. 16: 16, Иоан. 6: 69), что позволяет автору придать роману сакральный смысл (Агеносов, 1995: 212). И в отношениях Живаго с Ларой — Христос и Магдалина, и в стихотворениях семнадцатой главы, и во многом другом.

Таким образом, Шолохов и Пастернак в философско-мировоззренческом аспекте двигались в одном направлении. Несмотря на то что отечественная история всячески их разводила по разные стороны, оба писателя в своих произведениях провозглашали общечеловеческие идеалы, утверждали ценность жизни, красоты, любви и природы, отвергая идею насилия. Особенно когда насилие оправдывалось абстрактными формулами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Это не помешало вождю опубликовать много лет спустя в 12 т. своего Собр. соч. письмо 1929 г. Ф. Кону о «грубейших ошибках и прямо неверных сведениях» о целой группе большевиков, описанных в эпопее. На письмо Шолохова с просьбой указать, что имеется в виду, генсек не ответил.

² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 61. Л. 52–53.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агапов, Б., Лавренев, Б., Федин, К., Симонов, К., Кривицкий, А. (1958) Письмо членов редколлегии журнала «Новый мир» Б. Пастернаку // Литературная газета. 25 октября. С. 2.

Агеносов, В. В. (1995) Вечности заложник у времени в плену: Борис Пастернак и его роман «Доктор Живаго» // Агеносов В. В. и др. Литература народов России XIX–XX веков. М.: Просвещение.

Быков, Д. А. (2007) Борис Пастернак. М.: Молодая гвардия.

Васильев, В. (2002) Шолохов и Нобелевская премия: история вопроса // Литература. №23. С. 3.

Урнов, Д. (1988) Безумное превышение своих сил // Правда. 27 апреля. С. 4.